

ТАТЬЯНА ПЕЛЬТЦЕР

Главная бабушка
Советского Союза

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

Андрей Леонович Шляхов Татьяна Пельтцер. Главная бабушка Советского Союза

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22215502

Главная бабушка Советского Союза: Издательство АСТ; М.; 2017

ISBN 978-5-17-101404-9

Аннотация

Татьяна Ивановна Пельтцер... Главная бабушка Советского Союза.

Слава пришла к ней поздно, на пороге пятидесятилетия. Но ведь лучше поздно, чем никогда, верно? Помимо актерского таланта Татьяна Пельтцер обладала большой житейской мудростью. Она сумела сделать невероятное – не спасовала перед безжалостным временем, а обратила свой возраст себе на пользу. Это мало кому удается.

Судьба великой актрисы очень интересна. Начав актерскую карьеру в детском возрасте, еще до революции, Татьяна Пельтцер дважды пыталась порвать со сценой, но оба раза возвращалась, потому что театр был ее жизнью. Будучи подлинно театральной актрисой, она прославилась не на сцене, а на экране. Мало кто из актеров может похвастаться таким количеством ролей и далеко не каждого актера помнят спустя десятилетия после его ухода.

А знаете ли вы, что Татьяна Пельцер могла бы стать советской разведчицей? И возможно не она бы тогда играла в кино, а про нее саму снимали бы фильмы.

В жизни Татьяны Пельцер, особенно в первой половине ее, было много белых пятен. Андрей Шляхов более трех лет собирал материал для книги о своей любимой актрисе для того, чтобы написать столь подробную биографию, со страниц которой на нас смотрит живая Татьяна Ивановна.

Содержание

От автора	6
Глава первая	9
Глава вторая	25
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Левонович Шляхов

Главная бабушка Советского Союза

© Шляхов А.Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Невымученных мук, невыгроженых гроз
Так много позади, и тяжек сердца стук.
Оранжевый закат лианами оброс
Невыкорченных мук.
Оранжевый закат! ты мой давнишний друг...*

Игорь Северянин, «Рондо оранжевого заката»

От автора

Татьяну Ивановну Пельтцер я впервые увидел на экране в четырехлетнем возрасте. Кажется, то был мой первый поход в кинотеатр. Или второй... Но точно – один из первых, потому что это было Событие с большой буквы.

На детском десятичасовом сеансе показывали «Приключения жёлтого чемоданчика». Сейчас я задумываюсь – уж не эта ли картина разбудила во мне подспудное желание стать врачом...

Впрочем, дело не в этом.

Увидев на экране бабушку, которая сначала была вполне обычной бабушкой, а потом наелась конфет, избавляющих от страха, и начала творить чудеса, я был поражен и очарован. И сейчас, проходя по улицам Молодцова и Лётчика Бабушкина (а я по ним хожу довольно-таки часто), я всегда вспоминаю Татьяну Ивановну и «Приключения жёлтого чемоданчика». На крыше этого дома она лихо отплясывала, а вот здесь она не менее лихо поднималась по пожарной лестнице... Человека давно уже нет, а память живет.

Немного позже я познакомился с Дарьей Семёновной из «Приключений Толи Клюквина», затем – с фрекен Бок, которая, в отличие от мультяшной, выглядела не такой уж и вредной. Просто чувствовалось, что у этой женщины есть свои принципы, которыми она никогда и ни за что не поступится.

Ну а дальше я просто сбился со счета. Но всякий раз, увидев на экране знакомое лицо, я радовался, потому что знал – сейчас будет нечто особенное.

Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. Не в смысле роста, а в смысле таланта. У Татьяны Пельтцер все роли были большими, пусть даже она и появлялась на экране всего на несколько минут.

На сцене я видел Татьяну Ивановну в «Трех девушках в голубом», во «Встречах на Сретенке» и в «Поминальной молитве». На «Молитву», если честно, лучше бы было не ходить, потому что чувствовалось, что это прощальный спектакль великой актрисы. Было очень грустно. До слез.

В моей домашней фильмотеке есть четыре десятка фильмов с участием Татьяны Пельтцер и телевизионные версии всех спектаклей с ее участием, среди которых я больше всего люблю «Проснись и пой».

Эта книга началась с одного-единственного вопроса. Однажды я задумался о том, почему слава пришла к Татьяне Ивановне так поздно? Ведь она же начала свою актерскую карьеру еще до революции... В поисках ответа я неожиданно для себя самого увлекся настолько, что набрал материал для книги. За несколько лет материал успел отлежаться (это непременно нужно, иначе книга получится сырой), кое-что уточнилось, кое-что прояснилось, и наконец летом 2016 года я принялся за работу над книгой об одной из самых любимых моих актрис. Если что, то самых любимых актрис у

меня всего две – Фаина Раневская и Татьяна Пельтцер. О Раневской я уже писал, причем не раз.

Посмертная судьба (не люблю я этого оксюморона, но приходится употреблять) знаменитых людей складывается по-разному. Одним история в лице современников и потомков воздает должное, другим – недодает. Татьяне Пельтцер история явно недодает того, что ей причитается. Надеюсь, что мой скромный труд немного улучшит положение. Во всяком случае, это первая полная биография великой актрисы, охватывающая всю ее жизнь от рождения до последнего периода жизни.

Я выражаю огромную признательность тем, кто помог мне пролить свет на темные пятна в биографии Татьяны Ивановны Пельтцер. Любая биография, если это настоящая биография, – труд коллективный. В одиночку можно писать сентиментальные романы, но не биографии.

Что из этого получилось, судить вам, дорогие читатели. Надеюсь, что чтение будет приятным.

Глава первая

Мельпомена награждает славой, а не золотом

Воздушная эльфочка в детском наряде

Внимала тому,

что лишь эльфочкам слышно.

Овеяли тонкое личико пышно

Пушистых кудрей беспокойные пряди...

Марина Цветаева, «Эльфочка в зале»

Гордость российской ветви рода Пельцеров – прадедушка Наполеон к началу двадцатого столетия успел превратиться из человека в легенду. Обычно для этого требуется больше времени, чем каких-то восемьдесят лет, но очень уж скор на дело был славный предок. Не тороплив, а именно скор, не подумав, не делал, но делал быстро. А еще прадедушка был умен и удачлив. Совсем как его знаменитый тезка. Из-за имени Наполеон в России Пельтцеров многие считали французами, хотя на самом деле они были немцами. Отец прадедушки Иоганн Вильгельм Пельтцер назвал сына в честь своего кумира и благодетеля. Благодетелем Наполеон Бонапарт стал после того, как устроил секуляризацию¹ монастырско-

¹ Секуляризация (от *лат.* «*saecularis*» – светский, мирской) – изъятие церковной собственности в пользу государства. (Здесь и далее прим. авт.)

го имущества на занятой французами западной части Пруссии. Бонапарт, с его грандиозными планами, вечно нуждался в деньгах. Кроме того, немецкие монастыри со времен Тевтонского ордена традиционно воспринимались соседями как источник постоянной военной угрозы. Пускай к началу XIX века монахи стали миролюбивы и не брали в руки оружия, но стереотипы, как известно, живучи.

Благодаря секуляризации в продажу разом поступило столько земли и недвижимости, что цены сильно упали. Те, кто вовремя оказался в нужном месте и обладал средствами, получили уникальную возможность разбогатеть. Так всегда и бывает – одни воюют, а другие наживаются. В распоряжении Иоганна Пельтцера имелись не только собственные средства, но и казна небольшого города Вейсвеллера, бургомистром которого он стал с приходом французов. В Пруссии у Корсиканца было не так уж много сторонников, поэтому все, кто хотел служить новой власти, получали хорошие должности. И хорошие возможности. Другие покупали землю клочками; пусть и сильно подешевевшая, она все равно стоила немалых денег, а Иоганн смог приобрести целый монастырь со всеми его владениями. Небогатый купец превратился в крупного землевладельца.

Старший сын Иоганна Пельтцера Наполеон становиться помещиком не хотел. Будучи поделенным между тремя братьями, а также с учетом выдачи некоторой доли имущества в приданое сестре, отцовское наследство выглядело не очень

привлекательно. К тому же амбиции у юноши были поистине наполеоновскими. Сначала он собрался было искать счастья в богатом нидерландском городе Маастрихте, но вскоре передумал и обратил взор на восток, в сторону России. В Маастрихте каждый гульден рвали друг у друга из рук охотников. Конкурент сидел на конкуренте и конкурентом погонял. А в России, если верить слухам, умные люди могли очень быстро сколотить состояние, потому что возможностей там было больше, чем желающих ими воспользоваться. Наполеон решил рискнуть. Весной 1821 года, сопровождаемый вместо благословений отцовскими проклятиями, девятнадцатилетний Наполеон покинул отчий дом с сотней талеров в кошельке. Иоганн не хотел отпускать своего первенца, упрекал в том, что тот не оправдывает отцовских надежд и подает братьям плохой пример. «Так все вы разлетитесь из отчего дома и оставите меня одного», – ворчал Иоганн. Его слова оказались пророческими. Следом за Наполеоном в Россию уехали не только два младших сына Фридрих и Георг, но и дочь Елена. Устоять было невозможно, так велики были успехи Наполеона и так соблазнительны приходящие от него письма.

На ловца и зверь бежит. К 1821 году касимовский купец Иван Прокофьевич Кожевников выстроил в Свиблове под Москвой большую суконную фабрику и оборудовал ее по последнему слову тогдашней науки и техники². Четырнадцать

² Остатки этой фабрики сохранились до нашего времени.

корпусов, свое пожарное депо, башня, в которой располагалась фабричная контора (ну чем не прообраз современного Москва-Сити?), дома для рабочих, образовавшие целый поселок! Фабрика выпускала так называемое «тонкое» сукно, имевшее широчайшее применение – от солдатских портянок до дамских манто. «Затея», так называл фабрику сам Кожевников, обошлась ему в три миллиона рублей, совершенно невероятные по тем временам деньги. Едва начав работать, фабрика удостоилась высочайшего внимания. Сначала ее посетил император Александр Первый, а затем – вдовствующая императрица Мария Федоровна. Хорошо начав, Кожевников плохо закончил, потому что транжира он был известный и расходов с доходами совершенно не соотносил. Но речь не о нем, а о юном Наполеоне Пельтцере, для которого недолгая работа на фабрике Кожевникова стала началом славного пути. Недолгая, потому что, изучив дело, Наполеон на паях со своим земляком Эдуардом Кенеманом открыл в подмосковном Соболеве собственную фабрику. Капитал, состоявший из ста отцовских талеров и собственных накоплений, был небольшим, с ним Наполеон смог записаться только в третью купеческую гильдию. Но это было только начало. В 1832 году, после того как соболевское сукно получило золотую медаль на Московской промышленной выставке, с Пельтцером стали считаться другие суконные фабриканты. Можно сказать, что за десять лет амбициозный юноша сумел сделать себе имя в одной из самых перспективных

промышленных отраслей того времени.

Отношения с Кенеманом были хорошими, оба семейства даже породнились – младший брат Эдуарда Кенемана Виктор женился на родной сестре Наполеона Елене, но тем не менее положение младшего компаньона (Кенеману принадлежало две трети дела) небольшой фабрики не устраивало Наполеона. В 1845 году он переехал в Санкт-Петербург, где на паях с председателем столичного Биржевого комитета промышленником и банкиром бароном Александром фон Штиглицем купил обанкротившуюся суконную фабрику близ Нарвы. Возродившись из праха, Нарвская суконная мануфактура очень скоро стала одним из столпов тонкосуконного производства Российской империи. Продолжительное время офицерские мундиры в российской армии шились только из нарвского сукна. Наполеон Пельтцер достиг всего, о чем мечтал. Разбогател, добился уважения в обществе, стал отцом большого семейства. Умер он в 1900 году, за четыре года до Танечкиного появления на свет, поэтому девочка знала прадеда по портрету и по рассказам отца, Иоганна Робертовича Пельтцера, которого все знали как Ивана Романовича.

Отец-актер рассказывал о великом предке очень выразительно, причем всякий раз, импровизируя, менял какие-нибудь детали, чтобы дочери интереснее было слушать. Неизменными оставались лишь сто талеров и тот факт, что в Россию юный Наполеон шел пешком, зарабатывая на про-

питание чем придется, чтобы не тратить денег зря. Всякая немецкая легенда об уважаемом предке непременно содержит штрих, характеризующий его бережливость.

– Неужели пешком?! – ахала Танечка.

– Пешком, пешком, – кивал отец. – С котомкой за плечами и деньгами, зашитыми в пояс...

Иногда деньги хранились в кошеле за пазухой, иногда были спрятаны среди вещей. Разбойники не раз пытались ограбить Наполеона, но он всякий раз от них отбивался, потому что был богатырь и храбрец. О дорожных приключениях слушать было интереснее всего, потому что в России уже начиналось скучное – работал, женился, купил одну фабрику, затем другую и так потихоньку разбогател.

– А когда мы разбогатеем, папа? – наивно интересовалась Танечка.

Разбогатеть очень хотелось, чтобы ездить в красивых каретах, одеваться как принцесса, три раза в день – на завтрак, в обед и вечером есть сладкое. Танечка любила все сладкое, но больше всего – шоколадную пастилу по восемьдесят копеек за фунт. Мама покупала полфунта и растягивала больше чем на неделю, а у принцесс, как представлялось Танечке, в спальне стояли в ряд сундуки со сладостями – черпай горстью да ешь сколько влезет.

– Я не ищу богатства, дочь моя! – восклицал отец, становясь в возвышенную позу. – Я служу Мельпомене, а Мельпомена, да будет тебе известно, награждает славой, а не золотом!

Славы Танечке тоже хотелось. Чтобы все вокруг узнавали, улыбались, аплодировали. Чтобы портреты в газетах печатали. Она уже была готова согласиться с отцом насчет того, что слава лучше богатства, но вмешивалась мать.

– Что мне с той славы?! – трагическим шепотом вопрошала она, потому что не любила громких перебранок, которые были хорошо слышны соседям. – В горшок славу не положишь и шубы из нее не сошьешь!

Мать была женщиной глубоко практичной, настолько глубоко, что все, что нельзя было положить в горшок или на счет в банке, считала пустяками. Служение Мельпомене она воспринимала как разновидность гешефта, сделки. Актеры развлекают бездельников, бездельники им за это платят. По мере взросления Таня все больше и больше удивлялась тому, что могло свести вместе столь разных людей, как ее мать с отцом? Приписывала это волшебной силе любви и млела – вот оно как! Правду узнала случайно, по обрывкам фраз в ходе одной ожесточенной перепалки между родителями. Отец обвинил мать в том, что она сбежала с ним только потому, что ей невольно было сидеть в родительском доме под присмотром деспотичной матери. Мать, которая никогда не лезла за словом в карман, тут же ответила, что отец женился на ней только для того, чтобы получить бесплатную прислугу. Надоело бегать по кухмистерским и ходить с непришитыми пуговицами, захотелось домашних обедов и домашнего уюта. По длинной паузе, которая возникла после этих

слов, Таня догадалась, что родители ударили друг дружку по больным местам, а, стало быть, все сказанное правда. Сильно расстроилась, ночью плакала в подушку, утром получила за это взбучку от матери, потому что отсыревшую подушку пришлось выносить сушить во двор. А как не плакать, если вдруг обнаруживается, что между самыми близкими ей людьми нет любви, а всего лишь голый расчет? Неужели любовь бывает только в пьесах? Или просто родителям не повезло?

Повестей и романов Таня почти не читала – неинтересно. Пьесы можно разыгрывать в уме. Прочла – и словно на спектакле побывала. А можно и в лицах разыграть, перед зеркалом. Таня последовательно разыгрывала все роли и чувствовала в себе не только призвание, но и великий талант. А как же иначе? Ведь ей так легко даются все роли – и женские, и мужские, вне зависимости от возраста.

Если отец заставлял дочь у зеркала с раскрытым томиком в левой руке, то сразу же включался в игру и начинал вести мужские роли. Ему, бывалому Актеру Актерычу, достаточно было бросить один взгляд на страницу, которую дочь придерживала пальцем, чтобы продолжать по памяти. Памятью отец обладал невероятной. Если же Таню заставляла мать, то вздыхала:

– Азохн вэй! Опять ты за свое! Как хорошо, что твой дед этого не видит!

После этого спектакль приходилось прекращать, потому

что мамино горестное «азохн вэй» лишало Таню вдохновения, а упоминание о покойном дедe с материнской стороны сильно обижало. Что значит: «как хорошо, что дед этого не видит»? Разве она делает что-то плохое, чего следует стыдиться?

Мать, Эсфирь Боруховна Ройзен, женщина необычайной красоты, происходила из почтенного рода бердичевских Ройзенов. Истории Ройзенов, полной стремительных взлетов и столь же стремительных падений, внезапных обогащений и столь же внезапных разорений, могло бы позавидовать любое монаршее семейство. А сколько было интриг внутри самого клана! Если бы Стендаль был знаком с кем-то из Ройзенов, то вместо итальянских хроник написал бы бердичевские. Всякий раз, когда мать начинала рассказывать о раздорах между многочисленными родственниками, Таня удивлялась – это же готовый сюжет для пьесы, трагической или комической. Почему мама не пишет пьес? Ведь пьесы писать очень выгодно, папа говорил, что драматурги много зарабатывают. Взять хотя бы Чехова...

– Еще чего не хватало! – фыркала мать. – Пьесы! Тогда твой дед, да будет благословенна его память, наверняка перевернется в могиле. Мало ему зятя-актера, так будет еще дочь-писака!

Дедушке Боруху, да будет благословенна его память, как настоящему Ройзену в молодые годы неслыханно повезло. Его отец не раз ссужал деньгами старшего полицмейстера

Киева полковника Федора Ивенсена, впоследствии дослужившемся до генерал-майора. Ивенсен, умело извлекавший из всего свою выгоду, не бедствовал, но время от времени у него образовывалась нужда в срочном займе для приобретения очередного дома. Скупка недвижимости была страстью Ивенсена. Под конец службы он прибрал к рукам целый квартал в центре Киева, на Печерске. Далеко не каждый купец способен одолжить денег полицмейстеру, ведь с такого должника в случае чего получить причитающееся может быть трудно. Вместо денег с процентами можно нарваться на неприятности. Но Ройзены люди рискованные, потому что только рискованные дела дают хорошую прибыль. Когда в 1862 году в Киеве была введена должность казенного раввина³, Борух Ройзен получил ее благодаря помощи Ивенсена, которому за это его отец списал часть долга. Можно ли жалеть денег, когда речь идет о будущем сына? Да еще и о таком будущем! Казенный раввин Киевской губернии – это же фигура!⁴

³ Казенные раввины – в 1857–1917 гг. выборная должность в еврейских общинах Российской империи. Фактически казенные раввины не избирались обществом, а назначались губернскими властями, которые утверждали избранников и выдавали им свидетельства. Казенный раввин официально представлял еврейскую общину в правительственных учреждениях, решал спорные вопросы и т. д. Как назначенцы от государства казенные раввины не пользовались таким авторитетом, как т. н. «духовные», традиционные раввины, которые формально считались учеными советниками казенных раввинов, но на деле являлись духовными главами еврейских общин.

⁴ Яркий портрет киевского казенного раввина дал известный еврейский писатель Шолом-Алейхем: «Посетитель разглядывает киевского казенного раввина

По совету Ивенсена Борух согласился исполнять свою должность безвозмездно, чем окончательно покорила рачительно-го киевского губернатора генерал-лейтенанта Павла Ивановича Гессе.

Гессе назначил Боруха Ройзена казенным раввином своей властью, без такой пустой формальности, как общинные выборы. Сослался на то, что в Киеве нет достаточного количества евреев для производства полноценных выборов раввина, и назначил. Губернатору и не такое дозволялось.

Подлые киевские евреи не захотели, чтобы над ними стоял светоч разума из Бердичева. Мать всегда говорила, что подлее киевских евреев нет на белом свете народа, потому что Киев притягивает к себе только мошенников и воров, такой уж это город. Они начали писать губернатору и старшему полицмейстеру письма, в которых всячески поносили бедного Боруха. И не знает его никто, и уважением в общине он не пользуется, и в ешиве⁵ он не учился, и дела своего не

и сравнивает его с раввинами в маленьких местечках, которых ему приходилось встречать. Перед ним проходит целая вереница казенных раввинов, один из них плешивый. Все это замухрышки, маленькие люди. В сравнении с ними киевский раввин – величина. Они дикари против него, карлики. Киевский раввин – богатырь и хорош собой. Один только недостаток – он рыжий и, кроме того, тяжеловат на подъем: говорит не спеша, делает все медленно и думает медленно – человек без нервов. Такие люди живут сто лет. Они не торопятся умереть – им не к спеху». (Шолом-Алейхем, «С Ярмарки (жизнеописание)». Перевод Б. Ивантер, Р. Рубиной. Собрание сочинений, том третий, Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1960 г.).

⁵ Ешива (также «иешива» или «ешивот») – высшее религиозное учебное заведение у иудеев.

знает... Когда община против своего казенного раввина, то тут и губернатор бессилён. Борух Ройзен пробыл на своей высокой должности всего три месяца. Его сменил другой еврей, которого мать никогда не называла по имени, а только «волынским шайгецом»⁶.

Мать обычно не афишировала своего еврейского происхождения. Для того чтобы обвенчаться с отцом, она крестилась и из Эсфири Боруховны стала Евгенией Сергеевной, но в кругу тех, кто знал ее как Фиру, по поводу и без упоминала о том, что ее отец был губернским казенным раввином. Знай, мол, наших. В устах крестившейся еврейки такое заявление звучало по меньшей мере странно. Таня искренне недоумевала – ну чем тут можно гордиться? Сидеть в конторе, разбирать какие-то скучные дела, писать унылые бумаги... Разве в этом счастье? Другое дело – театр! Стоит только зайти внутрь, как сердце сразу же замирает в сладостном предвкушении чуда. А когда поднимался занавес, Таня забывала обо все на свете. Обо всем, кроме того, что происходило на сцене. Отца на сцене она никогда не узнавала. То есть знала, конечно, что отец играет Горацио или, скажем, Молчалина, как написано на афишах. Но видела перед собой не отца, а его героя. Иван Романович великолепно умел перевоплощаться.

Таня много думала о том, что все люди живут одну свою жизнь и только актерам дано счастье проживать великое множество самых разных жизней. Разве есть на свете счастье

⁶ Шайгец или шейгец (*идиши*) – плут, мошенник, грубиян.

выше этого? Актерская жизнь невероятно яркая, невероятно насыщенная. Сцена – это волшебный мир. Ничего не надо – ни богатства, ни славы, только бы иметь возможность выходить на сцену и играть, играть, играть, жить этими интереснейшими жизнями, описанными в пьесах... Ничего не надо! Хотя когда аплодируют, это очень приятно. Слыша аплодисменты, актеры волшебным образом начинают светиться изнутри. Театр полон волшебства...

– Ты будешь актрисой, доченька! – обнадеживал отец, глядя Таню по голове. – У тебя есть талант, искра Божья. Уж я-то в этом разбираюсь и говорю не как отец, а как актер. Помяни мое слово – тебя еще на руках носить будут! Как Сару Бернар!⁷

«Как Сару Бернар!» – млела Таня. Поверить в такое было совершенно невозможно – ну где божественная Сара и где она, глупая смешная девчонка! – но слушать отца было очень приятно.

– На руках! На руках! – передразнивала мать. – Если кто и должен носить женщину на руках, так это ее собственный муж! А не посторонние мужчины! Некоторым выпадает такое счастье! – здесь всегда следовал укоризненный взгляд, мельком брошенный на отца. – Так что выкинь из головы все эти глупости и готовься к тому, чтобы сделать хорошую пар-

⁷ Сара Бернар (1844–1923) – французская драматическая актриса, еврейка по происхождению, которую в начале XX века называли «самой знаменитой актрисой за всю историю человечества».

тию. Красотой тебя Бог не обидел и всем остальным, кроме ума, тоже. Была бы умная, не слушала бы отцовские бредни!

Иногда мать говорила – «красотой тебя Бог не обидел», а иногда – «я родила тебя красивой». Второе выражение Тане казалось обидным – мол, родила-то я тебя красивой, а выросло не поймешь что.

Красавицей она не была, что да, то да. С актрисой Марией Домашевой или балериной Лидией Кякшт не сравнить. Но обаятельной себя считала не без оснований. А вот у матери обаяние не котировалось, только правильность черт. Наверное, с этого «я родила тебя красивой» и началось отчуждение между матерью и дочерью, отчуждение, которое спустя много лет приведет к тому, что они практически перестанут общаться. Это очень грустная история, подробности которой Татьяна Пельтцер унесла с собой в могилу. Мы можем лишь догадываться о деталях по тем редким и отрывочным сведениям, о которых она иногда проговаривалась подругам...

– Это не бредни! – вступалась за отца Таня. – Ты, мама, ничего не понимаешь в искусстве!

– Зато я понимаю толк в жизни! – парировала мать. – Могу из одной курицы приготовить три блюда, так, чтобы всем нам хватило на два дня! Это благодаря мне вы с Сашей не ходите голодными и оборванными. Посмотришь – и сразу видно детей из приличной семьи. Жизнь, милая моя, это совсем не театр!

Вот в этом Таня была с матерью полностью согласна.

Жизнь – это совсем не театр. Театр стократ лучше. Сделать хорошую партию?! Зачем? Чтобы жить так, как мать с отцом? Нет-нет! Если уж с кем и обручаться, так это с театром! Театр – это самая лучшая партия на свете! Лучше и быть не может! Тане хотелось всю свою жизнь провести на сцене и умереть тоже на ней. Во время спектакля. По ходу действия. Лучше всего – в роли Ларисы из «Бесприданницы». Сказать всем: «Вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю», послать воздушный поцелуй и закрыть глаза навсегда. Зрители станут аплодировать, думая, что она играет, а она уснет навсегда. Маленькой Тане столько раз приходилось «умирать» в разыгрываемых перед зеркалом пьесах, что о смерти она думала без страха. Точнее, смерть была для нее простым театральным действием, вроде смеха или плача, не более того.

– Ты будешь второй Сарой Бернар! – убеждал отец. – Нет, что я говорю?! Ты будешь Татьяной Пельтцер, блистательной и неповторимой! Тебе будет аплодировать вся Россия! Ты прославишь наш род еще сильнее, нежели это сделал твой прадед!

Отцовские слова оказались пророческими. Во всем. Татьяна стала блистательной и неповторимой Татьяной Пельтцер. Ей аплодировал весь Советский Союз. И Наполеона Пельтцера сейчас помнят лишь благодаря его знаменитой правнучке.

Мельпомена награждает своих служителей не только сла-

вой, но и бессмертием.

Если они, конечно, этого заслуживают.

Глава вторая

Блистательный провал

– Вошел раб!

Никто не входит.

– Господа, кто же раб? Духовской, поглядите, кто раб?

Духовской поспешно роется в каких-то листках.

Раба не оказывается.

– Вымарать, что там! – лениво советует Боев...

Но Марк Великолепный (Лара-Ларский) вдруг обижается:

– Нет, уж пожалуйста... Тут у меня эффектный выход... Я эту сцену без раба не играю.

Самойленко мечется глазами по сцене и натывается на меня.

– Да вот... позвольте... позвольте... Васильев, вы в этом акте заняты?

Я смотрю в тетрадку:

– Да. В самом конце...

– Так вот вам еще одна роль – раба Вероники. Читайте по книге. – Он хлопает в ладоши. – Господа, прошу потише! Раб входит... «Благородная госпожа...» Громче, громче, вас в первом ряду не слышно... Так вот вам еще одна роль – раба Вероники. Читайте по книге. – Он хлопает в ладоши. – Господа, прошу потише! Раб входит... «Благородная госпожа...» Громче, громче,

вас в первом ряду не слышно...

Через несколько минут не могут сыскать раба для божественной Мерции (у Сенкевича она – Лигия), и эту роль затыкают мною. Потом не хватает какого-то домоправителя. Опять я. Таким образом к концу репетиции у меня, не считая центуриона, было еще пять добавочных ролей.

А.И. Куприн, «Как я был актером»

Исторический роман польского писателя Генриха Сенкевича «Quo vadis» (в русском переводе – «Камо грядеши») был невероятно модным в конце XIX – начале XX века. По мотивам романа было написано несколько пьес. О постановке одной из них рассказывается у Куприна в автобиографической повести «Как я был актером». «Ставили пьесу «Новый мир», какую-то нелепую балаганную переделку из романа Сенкевича «Quo vadis», – писал Куприн...

У Николая Николаевича Синельникова, которого заслуженно называли лучшим антрепренером Российской империи, актеры играли на совесть. Синельников считался лучшим из лучших в первую очередь благодаря тому, что деньги не затмевали ему искусства. Искусство для Николая Николаевича всегда стояло на первом месте. Он славился своей строгостью и привычкой досрочно разрывать контракты. Разрывал не из самодурства, а обоснованно, если видел, что актер играет плохо или же просто не вписывается в труппу. Имя Синельникова было гарантией хорошего заработка, платил он исправно, поэтому от желающих играть в его труппу

пах не было отбоя. Туда попадали лишь избранные. Приглашение в антрепризу Синельникова было своеобразным признанием актерского таланта, знаком качества. Синельникову было неважно, где играть – в московском театре Корша или в уездном Ельце. Его спектакли, вне зависимости от места нахождения, были качественными, лишенными малейшей халтуры.

«Николай Николаевич приветливо меня встретил, и уже с первых репетиций я почувствовала, что служу в прекрасной труппе с чудным режиссером – режиссером и учителем, – вспоминала актриса Мария Блюменталь-Тамарина, о которой пойдет речь в одной из следующих глав. – Несмотря на то, что я уже служила в Москве у Лентовского в театре «Скоморох», в Тифлисе, Владимире, я была еще неопытна и дарование мое, так сказать, не было отшлифовано. Николай Николаевич давал мне такие ценные указания в ролях, что я с каждой репетицией чувствовала, как моя поступь на сцене становится все тверже и тверже. Пять лет подряд я прослужила у Николая Николаевича в Ростове-на-Дону, а затем, когда Николай Николаевич вступил в театр Корша в Москве, он и нас, нескольких актеров – его учеников, беззаветно ему преданных, устроил туда же. Его громадная любовь к искусству, его влюбленность в сцену, нас, актеров – и молодых и старых, – зажигала и двигала на работу. Кроме режиссуры, Николай Николаевич и актер был прекрасный, создав-

ший много незабываемых художественных образов»⁸.

В труппах своих Синельников всячески старался прививать дух коллективизма, актерского братства и всеобщего равенства служителей Мельпомены. Не понаслышке зная о том, как сильно раздоры между актерами могут повредить делу (сам более десяти лет прослужил в актерах), Синельников подбадривал новичков, осаживал прим с премьерами, если было надо, старался справедливо распределять роли... Это он первым начал перечислять актеров на афишах в алфавитном порядке, а не по их положению в труппе. Вроде бы пустяк, а сколько трупп распалось из-за того, что одна фамилия оказалась впереди другой. Актеры – люди увлекающиеся и если уж начнут интриговать и ссориться между собой, то остановятся не скоро.

Справедливости ради следует заметить, что были среди актеров и такие, кому Синельников не нравился. Так, например, известная актриса Павла Вульф, бывшая другом и учителем Фаины Раневской, считала Синельникова деспотичным режиссером, который стремился полностью подчинить актеров своей творческой воле, не предоставляя им ни малейшей творческой свободы. «Я всегда чувствовала... что Николай Николаевич не любит и немного презирает актера, – писала Вульф в своих воспоминаниях. – Это ощущение парализовало, не давало выявляться творческой актерской

⁸ Мария Михайловна Блюменталь-Тамарина, Мои воспоминания. – Харьков, Харьковский государственный театр русской драмы, 1935 г.

воле, творческим возможностям»⁹.

Антрепренером Синельников стал не сразу и не совсем по своей воле. Начал актером, затем увлекся режиссурой... Его больше увлекало искусство, нежели администрирование. Синельников был сторонником создания актерских товариществ, в которых актеры принимали решения сообща и управляли делами коллективно. Вроде бы и хорошо, только так и должно быть, но на деле выходило совсем не хорошо. Актеры откровенно тяготились своими «товарищескими» обязанностями. Им было скучно сидеть на еженедельных заседаниях, обсуждать репертуар и хозяйственные вопросы, разбирать претензии и споры о ролях... На словах все хотели полной свободы и права голоса, но почти никто не хотел вникать в далекие от искусства мелочи. Вдобавок склок в товариществе всегда возникало больше, нежели в обычной антрепризе. Короче говоря, товарищество как форма объединения актеров в русском театре конца XIX века не привилось.

В 1894 году товарищи-актеры, которым надоело работать на коллективных началах, уговорили Синельникова возглавить антрепризу. «Избавь нас от нудных, далеких от искусства забот, а мы во всем станем тебя слушаться», – сказали они. Синельников попытался отказаться, ссылаясь как на свою неопытность, так и на свою материальную необеспечен-

⁹ Вульф П.Л. В старом и новом театре. – М.: Всероссийское театральное общество, 1962 г.

ность, но его все же убедили. «Я, человек совершенно незнакомый с практической стороной жизни, но влюбленный в театр и убежденный горьким опытом, что никакая антреприза, ни товарищество никогда не дадут мне возможности осуществить мои режиссерские замыслы, сделался ответственным руководителем большого театрального дела», – писал Николай Николаевич в своих воспоминаниях¹⁰.

Шесть лет антрепризы в Ростове-на-Дону принесли Синельникову славу и уважение. Он собрал сильную труппу и ставил хорошие, добротные спектакли. Актерские оклады были высокими (иначе бы никто из столичных звезд, таких, например, как Далматов¹¹ или Петипа¹², не поехал бы в Ростов), на каждую постановку шились новые костюмы и готовились декорации, много денег уходило на рекламу, которой Синельников придавал исключительно важное значение. В результате к 1899 году Синельников оказался должным кредиторам девятнадцать тысяч рублей. У него не было ни гроша за душой. Он начинал антрепризу на заемные деньги и

¹⁰ Синельников Н.Н. Шестьдесят лет на сцене: Записки. Лит. обр. А.А. Бартошевича, общ. ред. Д.А. Грудына. – Харьков: Харьковский государственный театр русской драмы, 1935 г.

¹¹ Далматов Василий Пантелеймонович (настоящая фамилия Лучич; 1852–1912) – известный российский драматический актер конца XIX – начала XX века, серб по национальности. В 1884–1894 и 1901–1912 годах служил в Александринском театре.

¹² Петипа Мариус Мариусович (1850–1919) – известный российский драматический актер конца XIX – начала XX века.

за шесть лет не сделал никаких сбережений. В трудный момент настоящим спасением для Николая Николаевича стало предложение Федора Адамовича Корша, владельца известного московского театра. Корш, у которого были серьезные проблемы – дело, можно сказать, разваливалось, предложил Синельникову десятилетний (!) контракт. Синельников согласился.

У многих читателей возник закономерный вопрос – почему в книге, посвященной Татьяне Пельтцер, вдруг появился Николай Николаевич Синельников?

Ответ прост – потому что именно в труппе Синельникова состоялся дебют юной актрисы и именно здесь она училась актерскому мастерству.

Настоящий дебют на настоящей сцене! В девять лет! И пусть дебют закончился настоящим провалом... Впрочем, давайте по порядку.

Иван Романович Пельтцер поступил к Синельникову в 1894-м, вскоре после окончания Московского театрального училища. Синельников любил «открывать» молодых актеров, работал с ними подолгу и с удовольствием. Когда ростовская антреприза распалась, Иван Романович перешел вместе с Синельниковым к Коршу. В 1909 году он ушел от Корша вскоре после того, как театр покинул Синельников и открыл на Маросейке театральную школу, которая давала весьма скудный доход и потому просуществовала всего один год.

В 1910 году Иван Романович поступил в новую антрепризу Синельникова, который арендовал театр в Харькове.

Мать Татьяны была очень недовольна. Ей не хотелось уезжать из Москвы. За десять лет она привыкла к спокойной оседлой жизни, и ее ужасала перспектива ежегодных переездов с места на место. Недаром же говорится, что один переезд равен двум пожарам. Вдобавок у Корша, при множестве имевшихся проблем, была стабильность. Худо-бедно, с тем или иным режиссером, даже на закате своей былой славы театр пользовался успехом. Пускай и не таким, как раньше, пускай и без ежедневных аншлагов, но все же бедствовать не приходилось. А любая новая антреприза – это лотерея. Никто не знает, как пойдут дела.

Родители ожесточенно спорили, но отец все же настоял на своем. Он был кормильцем, семья жила на его заработок, поэтому последнее слово оставалось за ним. Иван Романович верил в Синельникова и не хотел работать ни с кем, кроме него.

В сезон труппа Синельникова выступала в Харькове, а летом разъезжала по югу России. Отпуск у всех актеров в то время приходился на Великий пост, когда театральная жизнь замирала.

Летом 1913 года гастролировали в Екатеринославе. Пельтцеры поехали на гастроли всей семьей, потому что в Екатеринославе у Евгении Сергеевны жили родственники с которыми она давно не виделась. Обычно же на летние га-

строли Иван Романович ездил один.

Среди спектаклей, которые давались в Екатеринославе, была пьеса по мотивам «Камо грядеши», в котором главную женскую роль Лигии исполняла Елена Шатрова. Елену Митрофановну Шатрову, будущую звезду Малого театра, народную артистку СССР и лауреата двух Сталинских премий, тоже «открыл» Синельников. В 1912 году он пригласил Шатрову в свою труппу и дал ей роль Джессики в «Венецианском купце». У Синельникова Шатрова прослужила четыре сезона. В труппе она была на особом положении, потому что очень скоро вышла замуж за старшего сына Синельникова, которого тоже звали Николаем. Николай Второй (так в шутку актеры-вольнодумцы звали Синельникова-младшего) работал администратором у своего отца. Прожив с мужем некоторое время, Шатрова ушла от него к актеру Николаю Радину (Казанкову), служившему в той же труппе. Оба Синельникова, и отец, и сын, повели себя в этой непростой ситуации крайне благородно. Ни Шатрова, ни Радин не испытывали от них каких-либо притеснений. Даже наоборот, ролей у обоих прибавилось. Видимо, Синельников-старший в любом спорном случае старался делать выбор в пользу Шатровой, опасаясь, что его могут упрекнуть в низменном мщении. Но Шатрова с Радиным все равно чувствовали себя неловко и покинули труппу Синельникова по своему желанию. Всю свою долгую жизнь (а скончалась она в 1976 году в возрасте восьмидесяти четырех лет) Шатрова отзывалась

о Синельникове-старшем с большим уважением и называла его своим учителем. Так оно, в сущности, и было, ведь частная школа сценических искусств, которую Шатрова окончила в Петербурге, дала ей гораздо меньше, чем служба в труппе лучшего антрепренера Российской империи.

Радин тоже считал Синельникова своим учителем. После ухода из труппы он поддерживал отношения с Николаем Николаевичем, состоял с ним в переписке и очень тепло написал о нем в своих воспоминаниях:

«Надо в неделю создать спектакль. В шесть дней сделать то, на что не хватает никогда никакого времени – сколько его ни дай. И делалось.

Были неудачи. Но было и много побед. Они покупались напряженной творческой работой Николая Николаевича.

Было непонятно, откуда бралась неистощимая энергия у этого человека.

К первой репетиции готов режиссерский экземпляр пьесы. В его фантазии образы живут, и он эту жизнь вливает в исполнителя ему одному известными приемами. Он умеет излучать из себя творческую энергию. Его требования четки, и он точно знает, чего хочет и что можно извлечь из художественных ресурсов того или иного работника.

Он вытравливает все безвкусное. Он храбро верит в молодые силы своих учеников.

Он находит время для отдельных внерепетиционных уроков.

Только своим авторитетом – без штрафов и иных взысканий – он создает стойкую дисциплину.

Он не считается со своими личными отношениями. Каков бы ни был в его глазах моральный вес актера, если он талантлив, ему представляются полные творческие возможности.

И все вокруг него заражается его энергией и по мере сил своих творит радостно и бодро.

И вырастают выразительные полнокровные спектакли»¹³.

Шатрова, несмотря на свою молодость, была очень требовательной как к себе, так и к другим и невероятно педантичной. Любая мелочь, любое отклонение от обычного порядка выводило ее из сценического настроения. В середине июля труппу без предупреждения покинула молодая взбалмошная актриса Чеботарева, игравшая в «Камо грядеши» роль младшего брата Лигии по имени Авгий. Кроме subtilной и невысокой Чеботаревой больше никто из труппы Авгия сыграть не мог. Синельников предложил совсем убрать эту малозначительную, если не сказать – ничего не значащую роль из спектакля. Авгий был непонятно зачем придуман драматургом, переделавшим роман Сенкевича в пьесу. Не иначе как ему захотелось добавить в свое творение еще один сентиментальный штришок в виде прелестного малютки, только и всего.

Шатрова возмутилась и заявила, что без Авгия она играть

¹³ Радин Н.М. Тогда и теперь. – Харьков: Харьковский государственный театр русской драмы, 1935 г.

не сможет. Раз уж в пьесе он есть, то должен быть и на сцене.

– Где я вам возьму Авгия?! – в свою очередь возмутился Синельников. – Ладно бы еще дело было в Харькове. Там несложно найти замену, но в Екатеринославе да в разгар лета я не представляю, где ее искать. Разве только прикажете взять с улицы первого попавшегося мальчишку...

– Возьмите девочку, Николай Николаевич, – предложил присутствовавший при разговоре Иван Романович. – Моя Танечка может играть Авгия. Она справится, не сомневайтесь. Сыграет не хуже Чеботаревой. Роль я с ней подготовлю за один вечер. Она у меня смышленная, схватывает все на лету.

– Пусть играет! – махнул рукой Синельников.

Шатрова скептически поморщилась, но выбора у нее не было. Или бери того Авгия, которого дают, или играй без него.

Узнав о том, что завтра ей предстоит выйти на сцену городского театра, Таня не могла поверить своему счастью. Готовить с ней роль не было необходимости, потому что она не раз смотрела спектакль. Утром следующего дня она выступила перед Синельниковым и была допущена на сцену.

Несмотря на великое волнение, обуревавшее Таню, сыграла она хорошо. По сцене ходила на цыпочках, чтобы казаться выше, обе свои реплики подала вовремя, слова произносила так громко, что было хорошо слышно и в последнем ряду. Все остались довольны, в том числе и Шатрова.

Когда актеры выходили кланяться, Шатрова взяла Таню за руку, но на сцене перевозбужденная девочка вырвалась, выбежала вперед и провалилась в пустую суфлерскую будку, потому что смотрела не под ноги, а на аплодирующих зрителей. Можно представить ее состояние – первая роль, первый выход на сцену, первые аплодисменты...

– Это был самый блистательный провал на моей памяти, – пошутил Иван Робертович, имея в виду Танино падение в будку.

Таня играла Авгия до конца гастролей. Ей хотелось, чтобы эти гастроли никогда не кончались, но в сентябре труппа вернулась в Харьков, где Синельников сразу же взял в труппу новую субтильную гризетку. Тане он заплатил столько, сколько полагалось Чеботаревой, и даже округлил эту сумму в пользу юной актрисы так, чтобы она получила ровно десять рублей. Расчет был обставлен по-взрослому (Синельников понимал детей). Он пригласил Таню в свой кабинет, дал расписаться в ведомости и торжественно вручил ей новенькую, приятно хрустящую красно-серую десятирублевку.

Отец предложил вставить кредитный билет в рамку и повесить на стену – пусть висит на счастье и на память, но мать не согласилась.

– Деньги должны лежать в банке, а не висеть на стене, – сказала она.

До банка дело не дошло, деньги истратили на повседневные нужды. Тане же мать купила большую коробку «борма-

новских»¹⁴ шоколадных конфет. Коробка была жестяной, и Таня сохранила ее на память о своем первом выступлении. Сохранила и повсюду возила с собой как талисман. Складывала в нее свои немногочисленные драгоценности и особенно памятные вещи.

Чемодан, в котором лежала заветная коробка, у Татьяны украли осенью 1941 года в поезде, шедшем из Москвы во Фрунзе¹⁵. Воры орудовали на остановках. Высматривали тех, кто выходил из вагонов, и крали их вещи. Пока заметят пропажу да поднимут шум, поезд уже отойдет от станции. Пассажиры, прежде чем выйти, просили соседей приглядывать за их вещами, но дело было рано утром, все соседи спали, и Татьяне было неловко их будить. Она понадеялась на то, что выходит ненадолго, но, вернувшись, не увидела на месте одного из двух своих чемоданов.

Больше всего было жаль не содержимого коробки, а ее саму. Такое впечатление, будто украли саму память о прошлом.

¹⁴ Производства товарищества «Жорж Борман», которое имело фабрики в Санкт-Петербурге и Харькове.

¹⁵ Так тогда называлась столица Киргизской ССР, ныне – город Бишкек.

Глава третья

Прямая и ясная перспектива

*Я сегодня с утра весела,
Улыбаются мне зеркала,
Олеандры кивают в окно.
Этот мир восхитителен... Но
Если б не было в мире зеркал,
Мир намного скучнее бы стал...
Ирина Одоевцева, «Я сегодня с утра весела...»*

Таня надеялась, что Синельников даст ей новую роль. Она целыми днями пропадала в театре, пыталась как можно чаще попадаться ему на глаза, но Синельников только учтиво раскланивался с ней, как со взрослой, да вскользь осведомлялся о самочувствии. Отец посмеивался (ему нравился энтузиазм дочери) и говорил, что по Высшей воле все случится в predetermined час. Иначе говоря – уймись, егоза. Какие твои годы? Еще успеешь послужить Мельпомене.

Еще успеешь... Вкусив настоящего актерства, Татьяна уже не могла терпеливо ждать. Ей хотелось играть сегодня, сейчас, а не когда-то в будущем. Разыгрывание пьес перед зеркалом уже не удовлетворяло ее. Что за скука – все сама да сама и аплодировать некому.

– Вот пойдешь в гимназию, и вся эта блажь сразу же выветрится, – «успокаивала» мать.

В гимназию Тане совершенно не хотелось – скучно. К тому же гимназисткам нельзя посещать театры, цирки и прочие увеселительные заведения без разрешения начальства. А уж играть на сцене и подавно нельзя.

Иван Романович очень любил своих детей. Понимая, что Татьяна бредит сценой, он горел желанием ей помочь и ждал очередного подходящего случая. Такой случай представился в ноябре 1913 года. На одной из первых репетиций «Дворянского гнезда» актриса, которой досталась роль Шурочки, крупно повздорила с Синельниковым.

Синельникову не нравилось, как она играет. Он поднялся на сцену и показывал, как следует играть Шурочку. Актриса повторяла, но у нее каждый раз выходило плохо. Наконец, не выдержав потока упреков, она, вспылила и наговорила Синельникову дерзостей. Синельников, не терпевший в свой адрес фамильярности и неуважения, взъярился и увел актрису прямо с репетиции в кабинет, где произвел с ней немедленный расчет.

Иван Романович, игравший в постановке роль Михалеви-ча, предложил Синельникову на роль Шурочки Таню. Синельников согласился. Так юная Таня получила вторую роль.

– Тургенев – это классик! – строго сказал ей отец. – У него, что ни герой, то образ. Помни, что на сцену выходит Шурочка. Танечка должна оставаться за кулисами. Старайся как следует, иначе Николай Николаевич не даст тебе больше ролей. Он человек добрый, но если на ком-то из актеров

крест поставит, то это уж навсегда. Его любимая поговорка – «ум можно нажить, а талант – нет».

В отличие от первой роли, которую Таня сыграла без репетиций с труппой, Шурочку приходилось репетировать. Понимая, что ребенка нельзя долго мучить ожиданием, Синельников прогонял сцены с участием Тани первыми. Но, закончив, она не уходила. Садилась в дальний уголок, стараясь, чтобы ее не заметили, и наблюдала за тем, как идет репетиция. Было очень интересно, потому что Синельников объяснял, чего он хочет от актеров, очень подробно и хорошо показывал. На сцене он преображался без грима и костюмов, словно по мановению волшебной палочки. Взмахнет рукой – и превращается в Лизу, шумно вздохнет – и вот он уже не Лиза, а Гедеоновский. Таня всегда доверяла отцовскому мнению о людях, но только на репетициях «Дворянского гнезда» она поняла, почему отец отзывается о Синельникове с таким восхищением. Актером Николай Николаевич был незаурядным. Впрочем, как и режиссером.

Вторая роль в девятилетнем возрасте – это уже не случайность, а начало актерской карьеры. В отличие от многих актеров, хотя бы от той же Фаины Раневской, у которых путь на сцену был непрост и тернист, Татьяне Пельтцер повезло. Ее родители не противились ее выбору. Ворчание матери можно было в расчет не принимать, потому что этим дело и ограничивалось. Препятствий дочери мать не чинила, а отец всячески способствовал ее театральной карьере и стал для нее

наставником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.